

*Игорь Геннадьевич ШИШКИН —
доцент кафедры отечественной истории,
кандидат исторических наук*

УДК 94(47157):930

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XIV–XVI ВВ. В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИСТОРИКОВ «СТАРОЙ ШКОЛЫ»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы взаимоотношений представителей дореволюционной академической науки, историков «старой школы» с организаторами советской исторической науки в первые годы советской власти. Анализируются коллизии методологических штудий по проблемам образования единого русского государства в 20-е гг. XX века.

This article deals with the problems of relationships between pre-revolutionary academic scientists, historians of the so — called «old school» and the first Soviet historical researches in the early years of the Soviet power. The author analyzes the collisions which appeared during the methodological discussions on the United Russian State foundation in the 20-th of the XX century.

Двадцатые годы XX в. являются уникальным этапом в развитии отечественной историографии. Их основным отличием от последующих этапов в развитии советской историографии являлись методологическая свобода и плюрализм мнений, который объяснялся тем, что читатели одновременно могли познакомиться с литературой, созданной историками-марксистами, работами историков «буржуазной», «старой школы» — представителями дореволюционной историографии; и историками-эмигрантами. Относительно наличия плюрализма методологических подходов и мнений в историографии 1920-х гг. в историографической литературе высказываются различные мнения. В зарубежной литературе 1960-1970-х гг. эти годы назывались «золотым веком» в развитии советской историографии. Советские историографы считали, что именно в эти годы «кризис русской буржуазной историографии завершился в конечном счете ее полным крахом» [1]. В современной историографии отношение к 1920-м гг. как особому этапу в развитии отечественной историографии также не является однозначным. Определенная часть историографов традиционно полагает, что 1920-1930-е гг. следует рассматривать как единый этап в развитии исторической науки в СССР [2].

Автор данной статьи разделяет мнение исследователей, которые выделяют 1920-е гг. в особый период развития исторической науки. Особенностью данного этапа было то, что до середины 1920-х гг. «сильные позиции занимает немарксистская историческая наука, которая претерпевает определенную эволюцию, особенно в первые годы новой экономической политики», а во второй половине 1920-х гг. «исследователи, даже стоящие на марксистских позициях, понимают марксистские основы по-разному и приходят иногда в трактовке исторических проблем к диаметрально противоположным выводам» [3].

В данной статье ставится цель — на основе изучения процесса накопления знаний по проблеме образования единого Русского государства показать вклад, внесенный представителями дореволюционной историографии, исследователями «старой школы» в 1920-е гг., и его значение для развития современной исторической науки.

Особенностью процесса изучения образования единого Русского государства в XIV-XVI вв. в послереволюционный период, по словам Л. В. Черепнина, было то, что «до конца 30-х годов XX в. в марксистской историографии проблема образования централизованного государства по существу отсутствовала. Господствующей являлась точка зрения на образование единого государства на Руси, развитая в работах М. Н. Покровского [4]. Советская историография 1970-х гг. признавала, что «одним из существенных недостатков советской историографии начала 20-х гг. было то, что историки-марксисты почти не занимались историей феодализма (исключение составляли некоторые труды М. Н. Покровского и М. С. Ольминского) [5].

Нам уже приходилось характеризовать взгляды марксистских историков 1920-х гг. на проблему политогенеза Русского государства [6]. Между тем в 1920-е гг. в советской России публиковались работы на тему образования единого Русского государства, которые были написаны не с позиции марксистской методологии. В советской историографии всех немарксистских историков называли буржуазно-помещичьими, выделяя среди них представителей «реакционного, буржуазно-кадетского» направления, «прогрессивного, демократического течения буржуазной науки» и «мелкобуржуазного, меньшевистско-эсеровского» направления [7]. Методологические позиции этих историков были различными, однако объединяло этих авторов в 1920-е гг. неприятие марксистской методологии.

Для обозначения большой группы историков немарксистского лагеря, сформировавшихся до революции 1917 г. и оставшихся после ее совершения в России, мы предпочитаем использовать термин «историки старой школы», который применялся и в советской историографии. Как отмечала еще в конце 1960-х гг. Г. Д. Алексеева, «именно на материале феодального периода истории России, развития государства, его внутренней и внешней политики историки старой школы строили свои идеалистические антимарксистские схемы и теории» [8].

Историки «старой школы» в 1920-е гг. затронули несколько проблем, связанных с процессом образования единого государства на Руси в XIV-XVI вв. Одна из важных проблем образования единого Русского государства была связана с изучением колонизации севера и северо-восточных районов Руси. На работы по данной проблеме самое серьезное влияние оказали взгляды крупнейших представителей дореволюционной историографии — С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Тезис об истории России как об истории «страны колонизирующейся» в 1920-е гг. оставался господствующим.

Ряд статей, посвященных заселению северных территорий, связанных с Новгородом и Псковом, написал в начале 1920-х гг. С. Ф. Платонов [9]. Влияние концепции В. О. Ключевского ощущалось в представлениях С. Ф. Платонова о том, что ранняя колонизация Поморья была «боярской, промысловой, капиталистической». В статье «Был ли первоначально русский Север крестьянским?» он утверждал, что первоначально русский Север был колонизирован новгородскими «боярами-капиталистами», поселки которых носили не сельскохозяйственный, а промысловый характер [10]. В статье «Начало русских поселений на Мурмане» историк сделал важный вывод о двух путях колонизации Поморья — новгородцами и москвичами. Кроме того, С. Ф. Платонов выделил этапы колонизации: до середины XV в., который можно условно назвать «новгородским», и со второй половины XV в. — «московский». Отличались и формы организации местной жизни: новгородская — боярская вотчина с зависимым населением, и московская — общинная. Историк писал: «В результате уже в

XV в. все побережье Белого моря было унижено русским населением», и «целые сотни арендаторов зависели от одного и того же боярина». По его словам, в дальнейшем «заря торгового оживления, занявшаяся в 60-х гг. XVI в., погасла на целые века, и Кольский полуостров... стал действительно «убогим местом», как называли его московские дипломаты конца XVI в. «Этот вывод С. Ф. Платонова перекликался с мнением А. А. Кизиветтера, который начинал упадок Мурмана с 80-х гг. XVI в., связывая его с основанием Архангельска и переносом туда главного торгового центра [11].

Одновременно с княжеской колонизацией С. Ф. Платонов выделял и «народную колонизацию», к представителям которой он относил иноков, отшельников и «пахарей, искавших безопасности и пропитания». Большую роль в колонизации Поморья С. Ф. Платонов отводил монастырям, особенно Соловецкой обители. Начало колонизационной деятельности монастыря, основанного Зосимой и Совватием, историк относил к XV в., когда тот получил от одного вотчинника владения на морском берегу. Энергичную «колонизационную волну» на Кольский полуостров историк относил к XVI в. и связывал ее с возвращением из Обонежья и «каргопольских мест» свободного крестьянства. В результате «все побережье Кольского полуострова от Варгава и Печенеги до Понойского устья и от Поноя до Кандалакши было прочно освоено русскими» [12].

Взгляды С. Ф. Платонова относительно характера колонизации русского Севера, разделяли и некоторые другие русские историки 1920-х гг., в частности А. А. Введенский, С. В. Рождественский и уральский ученый А. А. Савич [13]. А. А. Савич в книге об истории одной из важнейших феодальных вотчин русского севера — хозяйства Соловецкого монастыря XV-XVII вв. поддержал точку зрения С. Ф. Платонова о боярском промысловом характере первоначальной колонизации русского Севера [14].

С. Ф. Платонов в 1920-е гг. останавливался и на особенностях колонизации Сибири. Он подробно осветил роль Строгановых в освоении Сибири. По его словам, «значение Строгановых, крупнейших и талантливейших капиталистов эпохи, в этом стремлении Руси на Восток бесспорно, и оспаривать их участие, даже руководство в деле Ермака, совершенно невозможно» [15]; «вотчины Строгановых вместе с Чердынским уездом послужили для московской власти базой в наступлении за Урал в область рек Тобола и Иртыша, а частные средства богатой промышленной семьи были обращены на достижение государственных целей» [16]. В то же время он высказался против преувеличения роли Строгановых в освоении Сибири, приписав первенство в стремлении на восток московскому правительству. Он полагал, что главной целью Строгановых был поиск различных путей в «златокипящую Мангазею» и даже в Китай [17]. По его словам, «в 1581 г., одновременно с подготовкой сухопутного поиска Ермака на Иртыш и Обь, Строгановы готовили и мореходный поиск на ту же Обь» [18].

Кроме того, С. Ф. Платонов не считал поход Ермака ключевым моментом в покорении Сибирского ханства. Историк писал: «Самою правильной оценкой этого предприятия будет та, по которой поход «атаманов-воров» был военным поиском», одним из эпизодов того *Drang nach Osten*» [19].

Выводы С. Ф. Платонова о характере колонизации восточных районов России оказали влияние на работы С. В. Бахрушина, А. А. Введенского, А. А. Савича, А. М. Ставрович и др., посвященные колонизации Урала и Сибири [20]. А. А. Введенский писал: «Проникновение в Сибирь с Севера на Обь за пушницей в начале XVI в. при Анике Федоровиче Строганове и появление в Сибири Строгановых в 80-х гг. XVI в. с дружиной Ермака со стороны среднего Урала

были явлениями одного порядка: поисками торговых путей к низовью Оби за пушниной» [21].

Обобщающее исследование по вопросу о колонизации севера и северо-восточных районов Руси XIV-XVI вв. принадлежало М. К. Любавскому [22]. Автор использовал богатый актовъй материал и на его основе составил детальную карту «великорусского центра» к середине XVI в. В книге М. К. Любавского был поставлен вопрос о складывании на протяжении XIV - первой половины XVI в. территории Русского централизованного государства (автор употреблял термин «Московское государство»), выяснении времени и обстоятельств присоединения к Москве отдельных земель и установлении входящих в состав этих земель населенных пунктов (с указанием местоположения, происхождения таковых и их характеристикой в экономическом и политическом отношении). М. К. Любавский упрекал А. Е. Преснякова за то, что он, «сосредоточив в своей монографии о Великорусском государстве внимание преимущественно на внутренней эволюции великокняжеской власти и междукняжеских отношениях в эпоху собирания Северо-Восточной Руси вокруг Москвы», не остановился в достаточной мере на том «материальном фундаменте», на котором «созидалась новая государственная власть Великороссии». Под этим «материальным фундаментом» М. К. Любавский подразумевал «народнохозяйственные и военно-политические факторы совершавшегося объединения». По существу речь шла о границах, природных ресурсах, населенности (с выяснением процесса колонизации), хозяйственном и военно-стратегическом значении отдельных областей, входивших постепенно в состав единого Русского государства.

Теоретические основы исследования М. К. Любавского значительно расходились с марксистской методологией. Преодоление политической раздробленности Руси он рассматривал как историю «примыслов» московских князей, начиная с XIV в. и кончая взятием Смоленска Василием III [23]. Влияние дореволюционных историков на его труд сказывалось в том, что автор только положительно оценивал «великорусскую колонизацию» в среде «иностранческого населения», много писал о колонизационной деятельности монастырей и т. п.

Политика московских князей, направленная на получение великого владимирского княжения, объяснялась М. К. Любавским «подъемом» у них «самочувствия, сознания своей силы и мощи...» [24]. Возникновение сел он объяснял инициативой князей, бояр, детей боярских, княжеских дворовых слуг, или дворян, монастырей. В его изображении народные массы выступали пассивной силой. «После того, как прекратился «пополох», произведенный на Руси татарами, — писал автор, — дальнейшая внутренняя колонизация... территории производилась уже преимущественно под руководством земельных владельцев — князей, бояр, церковных учреждений». Лишенные «крова, скота, хлеба и земледельческих орудий», крестьяне были вынуждены «подсаживаться к тому, у кого имелись хозяйственные средства — постройки, скот, орудия, семена» [25].

Историки 1920-х гг. интересовал также вопрос о происхождении «вотчинного режима» на Руси. По этим вопросам в 1920-е гг. велась полемика как между самими историками «старой школы», так и между ними и историками-марксистами.

В решении данного вопроса историками «старой школы» ощущалось влияние формально-юридических позиций «государственной школы», отрицающих наличие феодализма в Русском государстве.

Труд С. Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима» был посвящен землевладельческому иммунитету (судебному и податному) XIV-XVI вв. Автор поставил перед собой задачу показать, как сеньориальный

(вотчинный) строй на Руси образовал «основу, на которой в России развивались крепостные отношения» [26]. Основываясь на обширном фактологическом материале (частично заново введенном в научный оборот), С. Б. Веселовский нарисовал яркую картину тех привилегий, которыми пользовались землевладельцы в период складывания на Руси единого государства. Исходя из тезиса об отсутствии феодализма на Руси, С. Б. Веселовский выдвинул положение, что источником иммунитетных привилегий землевладельцев являлось княжеское пожалование [27]. Автор усматривал предпосылки иммунитетных прав в личных отношениях господина с рабом и с зависимым лицом, серебрянником и др.).

Основные выводы С. Б. Веселовского вызвали возражение Л. Е. Преснякова. В основе взглядов Л. Е. Преснякова лежали воззрения русских историков К. А. Неволлина и Н. П. Павлова-Сильванского, признававших наличие феодализма на Руси. По его мнению, в действительности князья иногда лишь фиксировали в своих грамотах и утверждали (а иногда реформировали) те отношения, которые сложились независимо от них в результате роста крупного феодального землевладения и обращения ранее свободного крестьянства в зависимость от земельных собственников [28].

С. Б. Веселовский и А. Е. Пресняков связывали изменения в области иммунитета с процессом ликвидации политической раздробленности на Руси. Оба они говорили о широком распространении в это время иммунитетных привилегий на новых великокняжеских слуг — дворян. С. Б. Веселовский отмечал «нивелирующую политику» московских великих князей, которые «систематически принижали верхи служилого класса, покровительствовали низам, и в отношениях ко всем служилым людям стремились провести вместо прежних личных отношений безличные общие шаблоны» [29]. А. Е. Пресняков предлагал связать изменения в области иммунитета в период образования Русского централизованного государства с «подъемом значения и силы нового общественного слоя» — «служилого лица», «пришедшего на смену «старому» феодальному боярству» и занявшего «господствующее положение в народнохозяйственной жизни, в формах крепостного хозяйства и крепостного права, и во всех областях общественной и государственной жизни в формах нарождавшейся дворянской сословности» [30].

В своей последней статье «Московское государство XVI-XVII вв. А. Е. Пресняков писал о Великодержавии XIV-XV вв. как о «типичном феодальном государстве» и усматривал предпосылки объединения русских земель в «перерождении, под влиянием новых явлений в народнохозяйственном быту, земледельческих отношениях и в такой перестройке всей классовой структуры русской общественности, которая обусловила коренное изменение всей политической организации страны» [31].

О вотчинном хозяйстве на примере вотчины новгородского архиепископа писал Б. Д. Греков [32]. Изучив сельское хозяйство в вотчине, ремесло в городском доме новгородского архиепископа, положение помещиков на его землях в XVI в., историк установил, что в это время происходил рост барской запашки, отметил факты применения наемного труда (дружинников) в крупном вотчинном хозяйстве.

Споры о наличии или отсутствии феодализма на Руси велись и в трудах, посвященных истории взаимоотношений между землевладельцами и крестьянством. В 1920-е гг. серьезному анализу подвергся такой важный документ по этому вопросу, как Псковская судная грамота. П. А. Аргунов полагал, что хотя феодализм на Руси только складывался, однако «пора сделать усилие и решительно расстаться с теорией свободного договора в отношениях между государем и изорником в XIV-XV вв., с квалификацией их отношений как арендных» [33]. По его мнению, Псковская правда определенно говорила о «наличии чисто сеньориальных отноше-

ний в Псковской земле», ибо изорник вступал в село государя через устный ряд или покругу и подчинялся сеньориальной юрисдикции [34].

В 1920-е гг. были продолжены исследования по истории русского города XVI в. [35] П. П. Смирнов на основе изучения городов Европейской России обосновал теорию о превращении города вотчинного в город «государев». И. М. Кулишер полагал, что города не занимали видного места в торгово-промышленной жизни страны.

М. М. Богословский в работе о средневековом Пскове писал, что хотя явления феодализма давно уже были замечены и получили признание в отечественной историографии, однако Псков был большим торговым городом, где «развитая торговля мешала возникновению феодальных отношений» [36]. Поэтому для него в основе отношений между землевладельцем и крестьянином по Псковской судной грамоте лежал арендный договор свободных сторон [37].

Под влиянием дореволюционных работ Н. П. Павлова-Сильванского и П. И. Беляева в 1920-е гг. были написаны исследования С. Б. Веселовского, И. И. Полосина, С. И. Тхоржевского и др. [38], в которых возникновение крепостного права связывалось с историей сеньориального или вотчинного права.

Продолжая традиции дореволюционной историографии, Р. Ю. Виппер, А. Е. Пресняков, и С. Ф. Платонов большое внимание уделяли изучению истории русского государства, истории самодержавия [39]. В центре внимания указанных авторов были личности царей, особенности их воспитания, личных качеств.

А. Е. Пресняков, исходя из представления о великокняжеской (а затем и царской) власти как о надклассовой силе, ее главную задачу усматривал в объединении всех материальных средств страны для организации самообороны от иноземных вторжений, за свободу внешних торговых путей, «необходимых для развития народнохозяйственной жизни» [40]. Вслед за дореволюционными историками в своей книге он писал о всеобщем закрепощении сословий в XVI века.

О «теории закрепощения всех сословий» М. Н. Покровский говорил, что она отражала интересы господствующих классов и возникла в период борьбы вокруг вопроса о реформах в середине XIX века. Он отвергал эту теорию вместе с теорией о «примитивной экономической» основе, на которой воздвигалась московская государственность задолго до Романовых и теорией «борьбы со степью», которая объясняла возникновение Московского государства потребностями национальной обороны от «степных кочевников». По его словам, «все три легенды составляют одно неразрывное целое» [41].

С. Ф. Платонов рассматривал Ивана IV как крупного государственного деятеля и объяснял основные линии его политической деятельности его мирозерцанием, стремлением к самодержавному правлению, тягостными впечатлениями, полученными в детстве и т. п. Опричнину историк считал средством ослабления знати. С. Ф. Платонов предлагал рассматривать в связи с опричниной и возникновение крепостного права [42]. В этом вопросе чувствовалось влияние на историка традиций государственной школы, сводящей все дело к правительственной инициативе. С критикой взглядов С. Ф. Платонова на опричнину выступил В. И. Пичета, отмечая, что историк «недооценивает зависимости социально-политических явлений от экономических условий» [43].

Р. Ю. Виппер, рассматривая деятельность Ивана III и Ивана IV на фоне международных отношений, изображал их как гениальных организаторов и вождей крупнейшей державы своего времени. Иван Грозный был представлен как выдающийся государственный деятель, политик, полководец и дипломат. В рецензии Ю. В. Готье было раскрыто политическое направление данной книги.

Рецензент писал: «Автору, изучающему происхождение великодержавной России, жаль ее падения... Скорбя о страданиях России теперешней, он склонен, быть может, преувеличивать достоинства одного из былых ее создателей — царя Ивана». Любопытно, что мнение Ю. В. Готье перекликалось с взглядами самого Р. Ю. Виппера. Анализируя положение исторической науки в России в начале 1920-х гг., историк писал, что нужно пересмотреть задачи, стоящие перед исторической наукой. По его словам, «мы притягивали историю для объяснения того, как выросло русское государство и чем оно держится. Теперь факт падения России, наукой весьма плохо предусмотренный, заставляет историков проверить свои суждения... надо неизбежно изменить толкования исторической науки» [44].

Продолжая свои исследования по истории Смутного времени, начатые в дореволюционный период, С. Ф. Платонов призывал к «моральной реставрации» образа Бориса Годунова, сумевшего стать российским самодержцем [45]. Для С. Ф. Платонова, как и для других историков «старой школы» было характерно представление о внеклассовом характере русского самодержавия. По его словам, «Борис не служил никакому частному или классовому интересу», ибо чисто «государственный интерес» лежал в основе всех его начинаний [46]. В то же время С. Ф. Платонов признавал, что Борис Годунов «действовал в пользу средних слоев общества и против знати и крепостной массы» [47].

В рецензии на книгу С. Ф. Платонова М. Н. Покровский признавал ее положительные стороны и прежде всего использование нового фактического материала. Однако он критиковал автора за сознательное замалчивание фактов классовой борьбы. По словам М. Н. Покровского, «...тому классу, к которому он принадлежит, индивидуалистическое объяснение исторических событий нужно сейчас больше, чем когда бы то ни было. Для буржуазии признать, что историю делают не отдельные люди, а классы, теперь, когда восстание рабочего класса во всем мире есть факт, значит совершить классовое самоубийство...» [48]. Кроме того М. Н. Покровский критиковал теорию о внеклассовом характере русского самодержавия [49].

Ряд ценных исследований появился в 1920-е гг. по истории общественной мысли XIV-XVI в. Продолжая традиции дореволюционной литературы Б. Титлинов писал об антицерковных ересьях XIV-XV вв. [50] Особый интерес представляют работы В. Ф. Ржиги [51], в которых наряду с памятниками церковной идеологии изучались произведения общественной мысли, постепенно освобождающейся от церковной оболочки (Е. Еразм, Ф. Карпов и др.).

Анализ работ исследователей 1920-х гг. по истории образования единого Русского государства в XIV-XVI вв. позволяет сделать вывод о том, что этот период являлся своеобразной «вотчиной» историков «старой школы». Продолжив традиции дореволюционной историографии, опираясь на ее теоретически наработки, исследователи 1920-х гг. продолжили изучение социально-экономической и политической истории России этого периода. Крупный шаг вперед ими был сделан в исследовании процесса вовлечения в орбиту Московского государства севера и северо-восточных районов Руси.

Историческую литературу этого времени отличает острая полемичность. В центре внимания историков оставались такие важные вопросы генезиса средневековой российской государственности, как происхождение вотчинного режима, причина, роль отдельных личностей в историческом процессе. Неоднозначность подходов к решению обозначенных проблем породила ожесточенную полемику между двумя направлениями в российской историографии, развернувшуюся в отечественной исторической науке в 30-е гг. XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 138.
2. Алексеева Г. Д. История. Идеология. Политика (20-30-е гг.) // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 160-161.
3. Камынин В. Д. К вопросу о периодизации отечественной историографии XX в. // Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография. Мат. науч. конф. Брянск, 1993. С. 80, 81.
4. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв.: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 106.
5. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.). М., 1968. С. 246.
6. См.: Шишкин И. Г. Попытки марксистского осмысления восточнославянского политогенеза в трудах М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова // Тюменск. ист. сб. Тюмень. 2000. Вып. IV. С. 3-11.
7. Алексеева Г. Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917-1923 гг.). С. 204.
8. Алексеева Г. Д. Там же. С. 246.
9. Платонов С. Ф. Новгородская колонизация Севера // Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг, 1923. С. 13 — 21; Он же. Низовская колонизация Севера // Там же. С. 22-57; Он же. Иноземцы на русском Севере в XVI-XVII вв. // Там же. С. 58-71.
10. Платонов С. Ф. Был ли первоначально русский Север крестьянским? // Архив истории труда в России. 1921. Кн. 2. С. 36.
11. Кизиветтер А. А. Русский Север: Роль северного края европейской России в истории русского государства. Вологда, 1919. С. 173.
12. Платонов С. Ф. Начало русский поселений на Мурмане // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Мурманск, 1923. С. 1-10.
13. Введенский А. А. Происхождение Строгановых // Север (Вологда). 1923. Кн. 2; Он же. Торговый дом Строгановых XVI-XVII вв. Л., 1924; Он же. Значение Вологды, как крупного торгово-промышленного центра на Севере и роль Строгановых в Вологде в XVI-XVII вв. // Север (Вологда). 1928. № 7-8; Рождественский С. В. Послание новгородского архиепископа Иоанна на Двину как источник для истории Двинского восстания 1397 г. // Доклады РАН. Сер. «В». 1925, апрель-июнь; Он же. Двинские бояре и двинское хозяйство XIV-XVI вв. Восстание 1397 г. и борьба за Двину // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. гуманитарных наук. 1929. № 2. Ч. 1. С. 49-70; Ч. 2. С. 135-154; Савич А. А. Соловецкая вотчина XV-XVII вв. Пермь, 1927; Он же. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси. М., 1927.
14. Савич А. А. Соловецкая вотчина XV-XVII вв. С. 24, 26.
15. Платонов С. Ф. Низовская колонизация Севера. С. 48.
16. Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея // Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера. С. 79.
17. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII вв. М.-Л., 1925. С. 41.
18. Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея. С. 78-79.
19. Там же.
20. Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись (Новые мысли по поводу «Старых сомнений» // Сб. ст. по русской истории, посв. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 285; Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927; Савич А. А. Из истории монастырской колонизации и хозяйства на Урале в XVI — XVII вв. // Пермск. краеведч. сб. Пермь, 1928. С. 128-179.
21. Введенский А. А. Торговый дом Строгановых XVI-XVII вв. С. 160.
22. Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.
23. Любавский М. К. Образование основной государственной территории... С. 30, 47, 80 и др.
24. Там же. С. 49.
25. Там же. С. 16, 17.
26. Веселовский С. Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 3

27. Там же. С. 31
28. Пресняков А. Е. Вотчинный режим и крестьянская крепость (По поводу книги С. Б. Веселовского «К вопросу о происхождении вотчинного режима»), // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1/34. С. 171-192.*
29. Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 192.
30. Пресняков А. Е. Указ. раб. С. 171-192.
31. Пресняков А. Е. Московское государство XVI-XVII вв. // *Книга для чтения по истории народов СССР. Харьков, 1930. Т. 1. С. 30.*
32. См. : Греков Б. Д. Хозяйство крупной русской вотчины XVI-XVII вв. // *Изв. РАН. VI сер. 1925. Т. 19. № 6-8; Он же. Что такое «обжа»? // Там же. 1926. Т. 20. № 10-11, 13-14; Он же. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI-XVII вв. Т. 1. Софийский двор в городе Новгороде // *Летопись занятий Археографической комиссии. 1926. Вып. 33; Т. 2. Собственное сельское хозяйство // Там же. 1927. Вып. 1 (34); Он же. Помещичье хозяйство в XVI-XVII вв. в Новгородской области // *Учен. зап. ин-та истории РАНИОН. 1928. Т. VI.***
33. Аргунов П. А. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской судной грамоты (к истории сеньориальных отношений на Руси) // *Уч. зап. Саратовск. ун-та. 1925. Т. IV. Вып. 4. С. 109*
34. Там же. С. 120.
35. Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1917-1919. Т. 1. Вып. 1-2; Кулишер И. М. История русской торговли до XIX в. включительно. Пб., 1923.
36. Богословский М. М. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской судной грамоте // *Летопись занятий Археографической комиссии. 1927. Вып. 1 (34). С. 54.*
37. Богословский М. М. К вопросу об отношениях крестьянина к землевладельцу по Псковской судной грамоте. С. 30.
38. Тхоржевский С. Поместье и крестьянская крепость: К истории земледельческого труда XVI-XVII вв. // *Архив истории труда в России. 1924. Кн. 11-12; Веселовский С. Б. Из истории закрепощения крестьян (Отмена Юрьева дня) // *Учен. зап. ин-та истории РАНИОН. 1928. Т. V; Полосин И. И. Поместное право и крестьянская крепость // Там же. 1929. Т. IV.**
39. Пресняков А. Е. Московское царство. Пг., 1918; Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1922; Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530-1584). Пб., 1923.
40. Пресняков А. Е. Московское царство. С. 14, 22-23.
41. Покровский М. Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // *Вестн. Соц. академии. 1923. № 4. С. 27.*
42. Платонов С. Ф. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси // *Архив истории труда в России. 1922. Кн. 3. С. 32.*
43. Пичета В. И. Введение в русскую историю. М., 1923. С. 159.
44. Виппер Р. Ю. Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 3.
45. Платонов С. Ф. Борис Годунов. С. 92
46. Там же. С. 92
47. там же. С. 154
48. Покровский М. Н. Рец. на книгу С. Ф. Платонова «Борис Годунов» // *Печать и революция. 1921. № 2. С. 137, 139.*
49. Покровский М. Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // *Вестн. Соц. академии. 1922. № 1; 1923. № 2, 4.*
50. Титлинов Б. Религиозные «бунты» и «инквизиция» на Руси // *Русское прошлое. 1923. № 3.*
51. Ржига В. Ф. Литературная деятельность Ермолая Еразма // *Летопись занятий Археографической комиссии. 1926. Вып. 33; Он же. Боярин — западник XVI в. (Ф. И. Карпов) // *Учен. зап. ин-та истории РАНИОН. 1929. Т. IV; Он же. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей» Изв. АН СССР. VII сер. Отд-е гум. наук. 1929. № 10.**